

АЛЕКСАНДР РЕЗНИК,

кандидат социологических наук, научный сотрудник отдела социальной психологии Института социологии НАН Украины

Институциональные факторы стабильности слабоинтегрированного украинского общества

Abstract

The article deals with stability of the Ukrainian society phenomenon. The author has suggested methodological aspects for study of stability phenomenon in insufficiently integrated society. It has been revealed that stability factors are: institutional features of regional elites formation, no ethnic stratification, and spreading confidence that interethnic conflicts will not occur in Ukraine. The demoralization of Ukrainian population caused the anomie of values contributed to distancing from any actions (including separatist ones) that are destructive to sovereignty.

Считается, что регионализация — это объективный процесс функционирования государственно-территориальных общностей в эпоху глобализации, которая, с одной стороны, усилила экономическую и политическую взаимосвязь, а с другой — обусловила плюрализацию и фрагментацию государственных образований. Страны с устоявшейся государственно-территориальной системой на эти вызовы реагируют по-разному: одни централизируют собственную систему, другие используют процессы регионализации и применяют “здоровую” децентрализацию страны с целью разгрузки центрального правительства и передачи целого ряда функций местному самоуправлению для более эффективного решения проблем граждан. Несмотря на слабую интегрированность украинского общества и наличие весомых региональных различий культурно-языкового и политического характера, в Украине на сегодняшний день удалось создать режим политической стабильности, при котором эти различия не стали определяющими в формировании социальной структуры общества и политического устройства государства.

Еще в начале становления Украинского государства многие авторитетные ученые предсказывали раскол страны на две части: западную и восточную, которые соответственно будут развиваться в фарватерах Европы и

России. Этого не произошло. И только драматизм президентских выборов 2004 года возобновил эту дискуссию. Возникает вопрос: является ли слабая интегрированность украинского общества в сочетании с региональным разнообразием почвой для дальнейшего неизбежного расчленения социума на обособленные и со временем самостоятельные образования или же это предпосылка и базис социальной интеграции, отражающей гетерогенный характер общности?

Проблеме территориальной целостности и регионализации в Украине уделяют достаточно внимания. Социологические исследования последнего десятилетия указывают на существование тенденции сближения культурно-исторической и современной политической регионализации, которая сохранится в будущем [1; 2; 3; 4]. Неоднократно говорилось об опасностях, обусловленных существованием разных, хотя и частично пересекающихся, экономических, политических и геополитических предпочтений населения регионов Украины. Однако, не отрицая этих опасностей, приходится констатировать, что при отсутствии четкой идеологии развития, разделяемой большинством граждан страны, и неспособности государственных органов консолидировать общество, власти удалось обеспечить территориальную целостность и относительную стабильность в государстве. Попытка объяснить феномен такой стабильности слабоинтегрированного украинского общества является целью данной статьи.

В методологическом плане мы исходим из того, что для успешного функционирования новообразованной государственно-территориальной общности нужны следующие условия: 1) наличие политических институтов, “цементирующих” государственно-территориальную общность (подданство, гражданство, идеология), и соответствующих механизмов (централизация, унитаризация); 2) наличие политических партий (блоков), лидеров и весомых слоев людей, стремящихся сохранить и отстаивать государственность в таких форматах; 3) политическая и экономическая заинтересованность элиты в сохранении такой формы государственности. Соответственно, разрушение и ликвидация новообразованной государственно-территориальной общности предполагают следующие условия: 1) наличие политических институтов и механизмов, “фрагментирующих” государственно-территориальную общность (федерализация, децентрализация, регионализация), и таких факторов, как этническое или языковое неравенство, межэтническая дистанция между самыми многочисленными этносами; 2) наличие влиятельных политических организаций, лидеров и социальных групп, заинтересованных в разрушении или переформировании государственности (сепаратизм, ирредентизм); 3) политическая и экономическая заинтересованность элиты в изменении суверенитета.

Если рассматривать первое условие дезинтеграции, то следует сравнить уровни доверия к центральным и к региональным органам власти, к их представителям. Преобладание доверия к последним будет сигналом опасности для существования целостного территориально-государственного образования. К таким выводам склоняют результаты социологических обследований настроений киевлян, проведенных в 1990–1991 годах, когда накануне развала СССР было зафиксировано преобладание поддержки республиканских лидеров, правительства и парламента УССР над поддержкой союзных органов и деятелей [5]. Однако после обретения независимости, как свидетельствуют мониторинговые исследования Института социологии

НАН Украины, население демонстрирует низкий уровень доверия и к центральным органам власти, и к местным (см. табл. 1)¹.

Таблица 1

Уровень доверия населения Украины к центральным и местным органам власти, %

Каков уровень Вашего доверия...?	Президенту		Верховной Раде		Правительству		Местным органам власти	
	1994	2004	1994	2004	1994	2004	2002	2004
Совсем не доверяю	33,5	30,2	30,3	28,9	29,4	25,6	27,3	22,1
Скорее не доверяю	21,5	27,9	23,0	34,2	23,6	32,1	27,7	29,1
Трудно сказать, доверяю или нет	28,2	26,8	36,6	27,7	35,2	31,0	30,7	32,2
Скорее доверяю	12,1	12,6	7,7	7,9	8,9	9,6	12,3	14,8
Полностью доверяю	4,7	2,4	2,4	1,2	2,9	1,6	2,0	1,8

Вероятность появления влиятельного регионального лидера, который бы выступал с сепаратистскими лозунгами, до последнего времени была крайне низкой. Мониторинговые исследования фиксировали то, что массовое сознание 1990-х годов не знало харизматических лидеров. Только в годы выборов и в последнее время доля граждан, которые нашли таковых, несколько возрастает (см. табл. 2). Но это касается преимущественно общеукраинских лидеров, поскольку в опросах шла речь о руководителях, способных управлять всей страной.

Таблица 2

Распределение ответов населения Украины на вопрос: “Есть ли сегодня в Украине политические лидеры, способные эффективно управлять страной? ”, %

Варианты ответов	1994	1995	1996	1997	1998	1999	2000	2001	2002	2003	2004
Нет	24,7	26,8	30,3	35,1	30,7	32,2	29,8	34,7	33,2	39,9	35,3
Трудно сказать	55,7	61,0	58,4	54,6	53,5	47,3	49,4	46,2	36,1	36,3	36,0
Да	18,5	11,5	11,3	10,0	15,5	20,1	20,6	18,8	30,5	23,6	28,4
Не ответили	1,1	0,7	0,0	0,3	0,4	0,3	0,2	0,3	0,4	0,2	0,2

Если брать группу, которая в 1994 году дала утвердительный ответ относительно наличия в стране достойных лидеров, и путем кросс-табуляции проверить корреляцию этого ответа с выбором электоральных лидеров (“Если бы сейчас происходили выборы Президента Украины, то за кого бы

¹ Ежегодный социологический мониторинг Института социологии НАН Украины осуществляется с 1994 года (разработчики программы – Н.Панина и Е.Головаха). С 2002 года специальной комиссией (В.Ворона, Н.Панина, Ю.Саенко, Е.Головаха, К.Грищенко, А.Ручка, В.Тихонович, Н.Шульга, Е.Лысенко) разработана обновленная система социальных показателей. Расчетная выборка (авторы – Н.Панина, Н.Чурилов) составляет 1800 человек, которые репрезентируют взрослое население Украины (18 лет и старше) по полу, возрасту, образованию, типу поселения и областям.

Вы голосовали?”), то наиболее значимыми (согласно χ^2) для этой группы являются следующие из предложенных политиков: Л.Кравчук ($p < 0,001$), Л.Кучма ($p < 0,001$), В.Чорновил ($p < 0,001$), К.Морозов ($p < 0,001$), А.Мороз ($p < 0,01$), В.Яворивский ($p < 0,05$), в политических взглядах и программах которых едва ли можно было обнаружить регионалистские или сепаратистские призывы. Таким же образом, если взять группу, которая в 2004 году дала утвердительный ответ на вопросы, указанные в таблице 2, и путем кросс-табуляции проверить корреляцию этого ответа с выбором электоральных лидеров (“Представьте, что президентские выборы состоятся в ближайшее воскресенье. За кого бы Вы отдали свой голос?”), то наиболее значимыми (согласно χ^2) для этой группы являются такие политики: В.Ющенко ($p < 0,001$), В.Янукович ($p < 0,001$) и Ю.Тимошенко ($p < 0,05$), которые также выступают с общегосударственными лозунгами. Однако региональное обособление электората тех или иных политических лидеров, по нашему мнению, само по себе не является достаточно влиятельным фактором разрушения целостности страны, поскольку дальнейшая политическая борьба будет требовать от любых политических сил привлечения всего общеукраинского электората.

Не приобрели популярности, даже региональной, те политические силы, которые дестабилизируют политическую ситуацию и угрожают территориальной целостности страны. Как радикальные украинские партии с лозунгами внедрения этнократической модели национально-государственного строя, так и партии, основанные на этнических принципах с соответствующими славянофильскими и либеральными версиями русского национализма, не имели и не имеют существенной поддержки в массовом сознании. Политические силы такого типа, как правило, в парламент не попадают и набирают мизерное количество голосов. И все же этнополитический фактор присутствует в нашей политической жизни. Актуализация этноязыкового фактора происходила как отклик наиболее русифицированных регионов на левую социальную риторику партий, призывающих к интеграции с Россией и Беларусью, к повышению статуса русского языка. Наложение политико-идеологических ориентаций на этнокультурную идентичность усложняет гражданскую интеграцию населения.

Возвращаясь к институциональным основам территориально-административного строя Украины, следует напомнить основные вехи их становления. В отличие от Югославии и Грузии, где началом кровавых межэтнических конфликтов явилась отмена существующих автономий, в Украине статус автономной республики был предоставлен Крымской области. Однако в отношении других регионов перманентно проводилась централизация. В 1992 году вместо исполнительных комитетов местных советов был введен институт представителей Президента, которые возглавили государственные администрации в областях и районах. Это в определенной мере усилило вертикаль власти. Впрочем, в начале 1994 года Верховная Рада новым законом о местных органах власти отменила институт представителей Президента, передав полноту власти председателям местных советов, которых к тому же избирали на прямых выборах. Неравномерное экономическое развитие разных территорий стимулировало регионализацию. Наиболее промышленно развитые Юг и Восток Украины пытались расширить местное самоуправление и ограничить полномочия центральной власти, распределявшей национальный доход. Но уже в августе 1994 года новоизбранный

именно благодаря Востоку и Югу Президент Л.Кучма, вопреки тогдашнему законодательству, подчинил себе избранных территориальными общинами председателей районных и областных советов. В 1995 году по Конституционному договору областные и районные советы снова лишались реального влияния на исполнительные органы. А уже в принятой 28 июня 1996 года Конституции Украины идея федерализации была похоронена навсегда. Консолидации местной элиты против центра препятствовала борьба между двумя “вертикалями власти”, длившаяся на местах до конца 1990-х годов — между системами советов и государственных администраций, возглавляемых представителями Президента [6, с. 182–183]. Благодаря этой борьбе местные политики не чувствуют себя исключенными из политической борьбы в столице и конкурируют между собой. Корпоративная солидарность представителей региональных элит с представителями одной из ветвей власти оказалась сильнее региональной консолидации.

Идея федерализма в первой половине 1990-х годов получила определенную поддержку среди населения Украины. Проведенные Фондом “Демократические инициативы” в 1993 году опросы фиксировали постепенный рост количества приверженцев федерализма: в мае–июне 13%; в ноябре — 26% [7, с. 7; 8, с. 8]. А в ноябре 1995 года, согласно опросам, проведенным Центром этносоциологических и этнополитических исследований (ИС НАНУ)¹, уже 33,4% граждан хотели видеть Украину федеративным государством; однако 43,1% из них заявили, что Крым должен находиться в составе Украины как обычная область. Подобная эклектичность в настроениях связана, с одной стороны, с недостаточным пониманием населением принципов функционирования федерализма, а с другой — с неприятием сепаратистских идей. Всплеск интереса к идее федерализации Украины во время событий конца 2004 года, инициированный лидерами юго-восточных регионов, носит скорее характер реванша со стороны части элиты, проигравшей в президентских состязаниях. Идея федеративного устройства Украины не получила всеукраинской поддержки, необходимой для его реального воплощения. В частности, как свидетельствует опрос, проведенный социологической службой Центра им. А.Разумкова с 6 по 9 декабря 2004 года², всего 16,7% респондентов поддержали идею федерализации Украины, причем львиная доля их проживает именно на Востоке страны.

Активность регионализации в постсоветском пространстве связывают с такими факторами, как статус регионов и специфика их территорий, а именно: ранг региона; этноадминистративный статус; включенность в этнорегион; досоветское существование в качестве целого; особый статус в Российской империи; предыдущий (в любой период) статус в СССР; размер региона; население и производство; периферийность; приближенность к иностранному

¹ Генеральную совокупность составляло взрослое население Украины в возрасте старше 17 лет. Выборочная совокупность (квотная выборка) репрезентировала генеральную по основным социально-демографическим признакам (пол, возраст, образование, региональная структура). Методом анкетирования было опрошено 1200 респондентов.

² Исследование проведено социологической службой Центра им. А.Разумкова с 6 по 9 декабря 2004 года во всех регионах Украины (118 населенных пунктов). Опрошено 2023 респондента в возрасте от 18 лет. Теоретическая погрешность выборки не превышает 2,3%. (Социологическое исследование Центра им. А.Разумкова (декабрь 2004 г.). — К., 2004.)

центру тяготения; этнокультурная специфика населения; географическое единство региона [9]. Поскольку эти факторы часто перекрываются по своему воздействию, выделение имеет условный характер, хотя усиление значимости соответствующего признака усиливает регионализацию. Применяв приведенные выше критерии к административно-территориальной структуре Украины, можно обнаружить ряд проблемных, с точки зрения сохранения территориальной целостности Украины, регионов. Более всего такие показатели-факторы присущи АР Крым, Закарпатской и Донецкой областям. Регионалистские настроения населения этих регионов, которые фиксировались в начале 90-х годов XX века, до сих пор латентно присутствуют среди местных элит. Но существуют и особенности регионализации каждого из названных регионов. Регионализм АР Крым отличается прежде всего этнокультурной спецификой (это единственный регион Украины, где большинство составляет нетитульный этнос) и предшествующим статусом в СССР (нахождение до 1954 года в составе Российской РСФСР). Подпитывает крымский ирредентизм и близость к иностранному центру тяготения — России. Вместе с тем коллизии репатриации крымско-татарского народа и его противостояние с местным русским населением, масштабный рост преступности дали основания официальному Киеву выступить в роли арбитра и урегулировать проблему сепаратизма путем последовательного отстаивания принципа территориальной целостности государства. Не в последнюю очередь это удалось благодаря возвращению к власти в Крыму “старой” номенклатурной элиты, которая, удовлетворив свои экономические интересы, сохраняет лояльность к центру. Пророссийские настроения на полуострове, подпитывавшиеся частями российской элиты в 1990-х годах, несколько поостыли после определенных неуклюжих действий российской власти. В частности, строительство дамбы возле украинского острова Тузла, которое несет экологическую и, самое главное, экономическую опасность жителям Крыма, едва ли не впервые за годы существования украинского государства пробудило местный патриотизм с проукраинской окраской. И все же вопросы распределения имущества и земли продолжают держать в напряжении общественно-экономическую ситуацию на полуострове.

Особое место в региональной структуре Украины занимает Донецкая область. По своим параметрам она представляет собой наиболее населенный и урбанизированный регион — по данным Всеукраинской переписи 2001 года население области насчитывает 4 млн 841 тыс. человек, что составляет около 10% жителей Украины; в городах проживает 4 млн 364 тыс. человек, или 90%, в сельской местности — 477 тыс. человек, или 10% [10]. Территориальная близость к России, доминирование русскоязычного населения и статус региона-донора создали ряд проблем для центральной элиты на заре независимости Украины. Однако позже случилось так, что региональная элита была привлечена к всеукраинским событиям, особенно после назначения В.Януковича на должность премьер-министра и его баллотирования на пост Президента Украины. И хотя события президентских состязаний обострили отношения местной элиты с новой властью, стремление к реваншу еще долгое время будет удерживать регион в орбите общеукраинского политикума. Другой причиной вынужденной консолидации Киева и донецкой элиты является недостаточная способность ее конкурировать с более мощными российскими финансово-промышленными группами, поэтому сохранение собственных капиталов и инвестиций в другие регионы Украины

служит залогом лояльного отношения к центру. Этому способствует и то, что мощные экспортные операции местного бизнеса направлены преимущественно в Европу, а не в Россию.

Еще одним регионом, где делались попытки идеологического обоснования сепаратизма, было Закарпатье. Эта территория является единственной, находившейся в отрыве от остальных украинских земель почти 700 лет. Пребывание в составе Венгерского королевства, Австро-Венгерской империи и Чехословакии наложило отпечаток на этническое сознание местных украинцев, которые все еще употребляют этнографическое самоназвание “русины” (собственно, и галичане, и надднепрянцы в свое время называли себя так до XX века). Попытки мизерной части местной интеллигенции “сформировать” отделившийся от украинцев “четвертый восточнославянский этнос” потерпели фиаско. Помощь центра в преодолении последствий масштабных экологических катаклизмов, неоднократно обрушивавшихся на Закарпатье, способствовала консолидационным процессам в этом крае.

Но именно Крым стал местом основной проверки украинской государственности на территориальную целостность. В начале 1991 года по территориальному принципу была создана Автономная Республика Крым, которую де-факто можно было определять как национально-территориальную, поскольку 67% ее населения составляют русские, имевшие преимущественно ирредентистские настроения в пользу России. Это дало руководству основания в некоторых вопросах проводить независимую политику. Способствовал этому и конфликт между Украиной и Россией из-за раздела Черноморского флота. Впрочем, поддержка крымскими татарами Киева в этом конфликте поставила сепаратистов перед перспективой межэтнического конфликта на самом полуострове. Подавляющее большинство населения Украины крайне отрицательно отнеслось к перспективе выхода Крыма из-под юрисдикции Украины. Исследования фиксировали полное единодушие как Запада, так и Востока в том, что Крым должен оставаться неотъемлемой частью Украины [7, с. 8; 11, с. 46]. Еще одним доказательством невосприятия обществом отторжения от государства любых территорий является то, что в опросах населения относительно перспектив страны позиция альтернативного развития отдельных территорий не получила поддержки. В 1992 году всего 5,1% граждан считали, что разные регионы Украины должны выбирать свой путь, в 2001 году таких оказалось 3,4% [12].

Важным фактором в процессах регионализации являются принципы формирования политических режимов в регионах: 1) “президентская” форма правления, то есть существование института выборного главы региона (губернатора) или исполнительной власти; 2) “парламентская”, или “европейская” форма правления, когда жители региона избирают законодательный орган, а тот, в свою очередь, формирует исполнительную власть; 3) “суперпрезидентская”, когда центральная власть, в лице президента или премьер-министра, назначает своих представителей, имеющих основную власть в регионах. Одним из важных факторов контроля регионов со стороны центра в Украине до последнего времени было то, что сохраняется “суперпрезидентская” форма управления регионами, за исключением АР Крым, где реальные рычаги власти имеет премьер-министр, избранный местным парламентом. Полная зависимость местных властей от центра, на первый взгляд, является для новообразованных государств крайне важным условием реализации экономических и политических реформ и предотвращения сепаратизма

ма. Но пример Крыма свидетельствует, несмотря на весьма ощутимые ирредентистские настроения местного населения, о более или менее эффективном сотрудничестве центра и региона, где внедрен «европейский» принцип формирования. К тому же опросы общественного мнения в Украине, проводившиеся в 2002 и 2003 годах в рамках мониторингового исследования Института социологии НАН Украины, свидетельствуют о том, что подавляющее большинство общества (соответственно 82,3% и 72,7%) поддерживает идею выборных глав областей. Несмотря на колебания, зафиксированные в эти годы, данная тенденция выразительно иллюстрирует стремление большинства населения контролировать местную власть. Не следует также забывать, что, в отличие от начала 1990-х, на современном этапе региональные политические элиты консолидированы во всеукраинские партийные структуры, которые начинают сейчас вырисовываться, хотя и имеют скорее декоративный характер. Вероятнее всего этому процессу будут способствовать пакетные договоренности, в том числе и относительно политической реформы и закона о местном самоуправлении, а также нового закона о выборах в Верховную Раду и местные советы. Согласно последней редакции принятой политической реформы не предусмотрено существенных изменений в порядке утверждения глав областных госадминистраций: они назначаются Президентом по представлению премьер-министра. Однако вопрос о форме управления регионами остается дискуссионным, поскольку политические и экономические реформы еще будут нуждаться в централизованной вертикали власти. Выборный статус руководителей регионов в критическое для страны время смог бы угрожать национальной безопасности и целостности государства больше, чем административное подчинение.

Исследования дали основания констатировать отсутствие в украинском обществе весомой этнической стратификации как специфической формы социальной дифференциации. Более того, расчеты этнического состава работающих в отраслях народного хозяйства, по материалам всесоюзной переписи населения 1989 года, показали преобладание русских по количеству специалистов (27,69% по сравнению с 19,97% среди украинцев) и служащих-неспециалистов (соответственно 6,42% и 4,82%) [13]. Аналогичная картина и в таких престижных сферах, как управление и наука, удельный вес украинцев, доля которых в целом среди занятых составляла в то время 71,8%, был ниже и составлял 64,85% и 59,14% соответственно. Вместе с тем русская этническая группа, удельный вес которой среди всех занятых равнялся в то время 22,7%, составляла треть в сфере науки и 30% среди всех управленцев страны [14]. К сожалению, на момент написания этой статьи отсутствовала подобная информация по переписи 2001 года. Тем не менее анализ состояния динамики этнической стратификации в украинском обществе за последнее десятилетие с сопоставлением уровня доходов, материального положения семьи, бытовых условий, места в общественном разделении труда, образования по этническому признаку выявил, что экономические культуры титульного этноса (этнических украинцев) и суперэтноменьшинства (этнических русских) подобны, если не тождественны [15]. Равенство жизненных шансов и возможностей удовлетворения потребностей является фактором стабильности общества, что обеспечивает важный потенциал предотвращения любых конфликтов и процессов сегрегации и регионализации. Отсутствие социального расслоения по этническому признаку свидетельствует о перспективах интеграции этих двух этно-

сов в единую гражданскую нацию. Можно предположить, что размытость этнического признака в социальной структуре украинского общества способствует лояльности русского этноса к украинской государственности.

За годы независимости общий уровень толерантности находился на среднем уровне [16]. Особенно важно то, что невысокий балл индекса социальной дистанции касается наиболее многочисленных в Украине национальностей. Вместе с тем весьма высокий уровень социальной дистанции относительно крымских татар служит тревожным симптомом для дальнейшей интеграции украинского общества. В последние годы зафиксировано возрастание уровня изоляционизма и ксенофобии. Однако данная тенденция объясняется не обострением межэтнических отношений этнических групп, проживающих в Украине, а страхом перед возможными масштабными миграционными процессами и возрастанием террористических рисков.

Прослеживается уникальный феномен, когда титульному этносу страны, в целом сохраняющему достаточно стабильную, по сравнению с другими этносами, гражданскую идентификацию, присуща доминантность этничности. Напротив, русскому этносу, проявляющему меньшую по сравнению с этническими украинцами гражданскую идентификацию, присуще в целом нивелирование этничности [17]. Проявление этничности в украинском социуме реализуется преимущественно путем структурного взаимодействия украинского этноса как титульного с супернацменьшинством — русским этносом, что воплощается в форме отношения к проблеме функционирования языков в этносоциальном пространстве. Интенсивность переживания этничности, зафиксированная среди представителей украинского этноса, опосредовано зависит от характера функционирования украинского языка.

Провозглашение в 1989 году украинского языка единственным государственным положило начало институционализации украинской государственности как монолингвистической. Хотя такой курс не требовал от русскоязычного населения отказа от своего родного языка, а только имел целью ввести более последовательное изучение украинского языка в регионах, где преобладает русскоязычное население, это вызвало напряженность, хотя более активных форм протеста не прослеживалось. Только в Крыму, где русские составляют большинство, менее трети (28%) граждан были готовы к бурным протестам в случае притеснений из-за языка [18]. Весомое количество граждан, которое, правда, постепенно сокращается (в 1995 году 52,0%, а в 2004-м — 47,6%), считают, что русскому языку нужно предоставить статус официального. Собственно, в украинском политикуме достаточно политических сил, эксплуатирующих эту тему. Но достаточной политической воли, а именно способности изменить ст.10 Конституции, нет. Нарушение властью статус-кво во время президентских выборов 2004 года вызвало напряженность в обществе, и прежде всего в контексте вышеперечисленных особенностей проявления этничности в украинском обществе. Свидетельством этого может быть высокая политическая активность населения Западного и Центрального регионов, где преобладают украиноязычные носители, во время Оранжевой революции. Следует отметить, что родственность украинского и русского языков сглаживает напряженность, по сравнению с ситуацией, например, в Бельгии, где существуют две лингвистические группы, языки которых существенно отличаются, и в одной из этих групп прослеживается в целом монолингвистическое поведение. Ведь пра-

во на язык отличается от других прав тем, что здесь, по сути, речь идет не столько о возможности выучить какой-либо язык и говорить на нем, сколько о том, чтобы *быть понятым другими*, например — в государственных учреждениях. Русский язык сохраняет свой мощный потенциал благодаря значительному количеству носителей, устойчивой традиции, а также современному развитию печатных и электронных СМИ, и вместе с тем государственный статус украинского языка обеспечивает ему перспективу распространения, поскольку знание его влияет на способность выполнять профессиональные обязанности в пределах государственной или общественной деятельности, а следовательно, сохраняется своеобразный языковой баланс, способствующий стабильности. Таким образом, в обществе усиливается, особенно среди младшего поколения, понимание того, что изучение государственного языка — это необходимый атрибут восходящей социальной мобильности. Процессы глобализации также дают себя знать. Так, в иерархии потребностей в изучении других языков русский язык уже опережает английский: в 2004 году 84,5% респондентов заявили, что кроме украинского в общеобразовательных заведениях необходимо обязательно изучать английский язык, а 72,9% — русский. Поэтому можно предположить, что языковой вопрос постепенно утратит нынешний политический аспект. Об этом опосредованно свидетельствуют результаты мониторингового исследования 2002 года, согласно которым язык как фактор консолидации общества занимает далеко не первые позиции. Так, в перечне ответов на вопрос «С чем прежде всего связано Ваше представление о своей Родине?» родной язык по частотному рангу занял 6 место, а в ответах на вопрос «Что, по Вашему мнению, объединяет людей в нашем обществе в данное время?» язык общения занял 8 место [19].

Разумеется, существование в обществе противоречий, связанных со статусом русского языка, темпами украинизации, проявлениями ксенофобии, в дальнейшем будет оказывать большое влияние на интеграционные процессы в украинском обществе, однако уверенность в том, что в Украине не будет межнациональных конфликтов, с каждым годом неуклонно укрепляется (см. табл. 3).

Таблица 3

**Доля опрошенных, считающих, что люди боятся
межнациональных конфликтов, %**

Как Вы считаете, чего люди боятся сейчас более всего?..	1992	1999	2000
Межнациональных конфликтов	48,9	31,7	27,7

В сохранении суверенитета Украины непосредственно заинтересованы и элиты, в частности политическая и экономическая. Начавшийся процесс приватизации в Украине породил новый социальный класс — национальную буржуазию, в рамках которой выделился олигархат, также заинтересованный в суверенитете и стабильности нового государства, в котором (только в нем) эта буржуазия может чувствовать себя в безопасности. Поэтому не удивительно, что во время Оранжевой революции представители украинских элит в основном содействовали достижению консенсуса и недопущению гражданской войны.

Не до конца осуществленная приватизация становится препятствием любым интеграционным процессам в обоих геополитических направлениях. Сближение с Россией не на пользу основным олигархически-финансовым кланам, которые по сравнению с российскими ресурсно и финансово менее конкурентоспособны в плане дальнейшего распределения имеющихся в собственности государства остатков привлекательного имущества. Российские инвесторы, в отличие от западных, быстро ориентируются в особенностях невыходных технологий влияния как на приватизационные процессы, так и на политические. Не способствует «пророссийским» взглядам и политика В.Путина, ставящая под угрозу имеющуюся у олигархов частную собственность. Вместе с тем евроатлантический вектор в краткосрочной перспективе также непривлекателен для отечественной элиты, поскольку прозрачные правила игры, которых это требует, не позволят им чувствовать себя свободно. Если внутри страны можно надеяться на более мягкие условия легализации любой собственности, то среди европейцев ведущие украинские игроки без декриминализации основных финансовых потоков вряд ли найдут понимание, тем более, если влияние европейских институтов распространится на территорию Украины. Таким образом, суверенитет Украины является основной гарантией сохранения капиталов для экономической элиты. И все же, после завершения приватизации, потребность в выходе на западные рынки должна заставить элиту Украины легитимировать свои действия, поэтому в дальнейшем вступление в ЕС станет более привлекательной перспективой. А вот пространство, на котором будет отрабатываться феномен «управляемой демократии» и борьбы с олигархическими кланами, будет отпугивать отечественную элиту. Довольно часто национальное самосознание украинских чиновников определяли внешнеполитические вызовы. Различные посягательства на украинскую собственность, украинскую территорию и т.п. вызывали «факт воспитания в ускоренной форме и осознание, что «это мое», «это наше», «это украинское», а то — другое государство» [20].

Итак, несмотря на ощущение неуверенности и сомнения относительно перспективы расцвета страны, неустоявшуюся национально-государственную идентификацию, украинское общество в подавляющем большинстве стало лояльным к процессу утверждения национальной государственности. Украинская политическая и экономическая элита непосредственно заинтересована в сохранении суверенитета Украины. Корпоративная солидарность представителей региональных элит с представителями одной ветви власти нивелировала региональную консолидацию. Несмотря на разнородные экономические, политические и этнокультурные интересы крупных социальных групп, заданное элитой направление развития страны является оптимальным, поскольку отражает баланс этих интересов. Сохранению лояльности регионов государству способствует и то, что этноязыковая и экономическая идентичности стали независимыми друг от друга системами соотношения, восприятия и оценки социальных ситуаций; доминирование экономических категорий идентификации может служить реальной почвой межэтнической интеграции. Кроме весомых региональных и этнокультурных различий в украинском обществе, сегодня нет достаточных институциональных предпосылок, которые бы «фрагментировали» государственно-территориальную общность: низкий уровень доверия украинские граждане демонстрируют и к центральным, и к местным органам власти. Низкое влияние политических

сил и лидеров, выступающих с сепаратистскими и деструктивными лозунгами, стало уже четкой тенденцией. Отсутствует в украинском обществе и весомая этническая стратификация как специфическая форма усиления социальной дифференциации. Как отмечалось, прослеживается перспектива постепенного исчезновения политического аспекта языкового вопроса. В отличие от периода, предшествовавшего распаду Советского Союза, когда общество переживало подъем, связанный с надеждой на существенное улучшение жизни, и когда получила поддержку модель отделения Украины от СССР, за годы независимости подавляющее большинство населения Украины впало в состояние аномической деморализованности. Но в контексте общественной трансформации любые формы деструктивных относительно государственности Украины действий воспринимались как реставрационные и не получали поддержки. При этом не исчезали ностальгические настроения. Однако до недавнего времени именно распространение социального цинизма, хотя и противоречило призывам к национально-государственной консолидации, вместе с тем дистанцировало население от всевозможных простых рецептов “восстановления справедливого порядка”, в том числе и сепаратистских. Впрочем, феномен Оранжевой революции показал становление тех слоев населения, которые уже не хотят пассивно наблюдать за политическими процессами в стране. С одной стороны, активная поддержка революции группой средних предпринимателей и собственников, для которых главными побудительными факторами протеста были стремление к свободе экономической деятельности и либерализации экономики и ощущение опасности для собственного бизнеса, учитывая угрозу поглощения его уголовным капиталом. С другой — молодое поколение, особенно нынешнее студенчество, социализация которого состоялась уже в посттоталитарный период. Эта возрастная когорта уже не имела того социального опыта, который бы склонял к ориентации на реставрацию тоталитарных процессов. И хотя другие слои населения тоже были вовлечены в активные протестные действия, по моему мнению, именно позиция двух упомянутых групп населения оказалась решающей. А то, что наиболее ярким выразителем этих процессов был Западный регион, избежавший окончательной институциональной революции в межвоенный период XX века, объясняется межпоколенной преемственностью социального опыта относительной демократии, рыночной экономики и национально-освободительной борьбы.

Но несмотря на эти более или менее оптимистические выводы нельзя констатировать, что опасность распада Украины миновала. Так, события последних дней 2004 года показали, как спровоцированная властью политическая нестабильность способна активизировать этнорегиональный фактор, приглушенный общим обнищанием и общей надеждой на экономическое улучшение. Тем не менее следует помнить, что региональное разнообразие Украины таит в себе не только опасность распада, но и потенциал мощной модернизации, поскольку социальная интеграция и социальная дифференциация — это процессы, взаимообуславливающие и взаимодополняющие друг друга. Социальная интеграция возникает и существует только там, где существует дифференцированность. В нашем случае региональная дифференциация может послужить предпосылкой и базисом национальной интеграции. Примеров этому в истории человечества не счесть. Нужна лишь взвешенная, научно обоснованная интеграционная политика власти. По

крайней мере, институциональные основания интеграционного процесса сформированы. В то же время беспокоит поспешность, с которой была принята политическая реформа, призванная внести изменения во властную вертикаль. Ведь разрушение действовавшего до сих пор, хотя и далеко не совершенного, институционального “крепления” целостности государства может отбросить процесс интеграции к состоянию, в котором мы находились в начале 1990-х годов.

Литература

1. *Оксамитна С., Макеєв С.* Соціологічний ракурс політичної географії України // Політичний портрет України. — 1995. — № 11. — С. 1–7.
2. *Макеєв С.* Регіональні відмінності в оцінці економічної та соціально-політичної ситуації // Політичний портрет України. — 1996. — № 15. — С. 70–90.
3. *Стегній О.Г., Чурилов М.М.* Регіоналізм в Україні як об’єкт соціологічного дослідження. — К., 1998.
4. *Кононов И.Ф.* Трансформация региональной системы в современном мире и проблема пространственного структурирования украинского общества // Проблемы розвитку соціологічної теорії. Трансформація соціальних інститутів та інституціональної структури суспільства : Наукові доповіді і повідомлення III Всеукраїнської соціологічної конференції. — К., 2003. — С. 275–278.
5. *Головаха Е.И., Панина Н.В., Чурилов Н.Н.* Киев: 1990–91 (Социологические репортажи). — К., 1992. — С. 108–109.
6. *Гарань О., Макеєв С.* Політико-державні перетворення в Україні // Політичні і економічні перетворення в Росії і Україні. — М., 2003. — С. 177–211.
7. *Бекешикіна І.* Громадська думка про майбутній економічний та територіальний устрій України // Політичний портрет України. — 1993. — № 2. — С. 1–12.
8. *Головаха Е.* Сучасна політична ситуація й перспектива державно-політичного та економічного розвитку України // Політичний портрет України. — 1993. — № 4. — С. 1–13.
9. *Каганский В.* Советское пространство: конструкция и деструкция. — www.russ.ru/antolog/inoe/kagan.htm.
10. См.: www.ukrcensus.gov.ua/regions/reg_don/.
11. *Небоженко В., Бекешикіна І.* Політичний портрет України (Схід, Південь) // Політичний портрет України. — 1994. — № 9. — С. 34–60.
12. Українське суспільство: десять років незалежності (соціологічний моніторинг та коментар науковців). — К., 2001. — С. 237–245.
13. *Рудницька Т.* Етнічні спільноти України: тенденції соціальних змін. — К., 1998. — С. 127.
14. *Рудницька Т.М.* Трудовий потенціал українського суспільства в етнічному вимірі // Українське суспільство на порозі третього тисячоліття. — К., 1999. — С. 594.
15. *Резнік О.* Особливості етнічної стратифікації в українському суспільстві // Українське суспільство 1994-2004: моніторинг соціальних змін. — К., 2004. — С. 54–63.
16. *Панина Н.* Національна толерантність, національний ізоляціонізм та ксенофобія в Україні // Україна–2002. Моніторинг соціальних змін. — К., 2002. — С. 445–459.
17. *Резнік О.* Етнічність та її прояви у громадянському просторі України // Українське суспільство — 2003. Соціологічний моніторинг. — К., 2003. — С. 365–375
18. *Головаха Е.И.* Трансформирующееся общество. Опыт социологического мониторинга в Украине. — К., 1996. — С. 61–64.
19. Українське суспільство 1992–2002 (соціологічний моніторинг). — К., 2003. — С. 108–109.
20. Перелаштування системи. Євген Марчук: “Реформування Збройних сил нагадує мені... створення СБУ” // День. — 2004. — 25 березня.